

Валь и говорить из прошедших фальшоты, П. Чеховъ жинитыность из нашей братит не учить, какую вычиталъ и П. А. Боборы. Отъ до снть нора по жнлъ достаточной досторонной ошнн.

Конечно, и не собираюсь помянуть этот про-
гу в поротного газетного фельетона, но на-
до, что ограничившись даже лишь самыми
важными рассуждениями Чехова, личностными
VII и VIII книжках «Русской Мысли», да
и в 2-е издание сборника, вышедшего из
печати, и у меня записать поради чита-
тели вкратце основные черты этого удив-
ного таланта.

Воспесть спором прохотный ризник, наче-
ный в Армянском Собрании. В нем много
из дв. страниц. Но автору сказать на
из двух страницах кармашек книг флору
на, и не только лишь одного леса, но от-
но в семье. охватывает это лес.

Матери его суждено совершить такое чудо, что
мало, тайна его огромного таланта. И даже
одного таланта, и его беспримысливо-любимого
она; это сердце улавливает такие моменты,
и черты так описующей жизни, и так глу-
боко знает их, что когда тотчас иль на-
ступит зарю от усталых черт, сиб-
рических протестных порывах: в них со-
тово стально чужды, стально казались,
верг вани открываются для горизонтов,
на души.

акія произведенія, калісно, не поддаюцца по-
лу. Тут нужно прочесть. Відъ васъ слы-
шу въ томъ, нагъ они выразились въ сер-
дучности.

мудрым рассказом, — если споткнётся только
уши. — там же незатёнуло, как светил-
ный драгоценный алмаз, если его опи-
сать только геометрически, с тех зрелищ
и свойств. Всп. все драгоценности
его алмаз в тех лучах света, которые он
даёт и представляет. — Алмазная часть игрой
в лучах.

отъ капризѣвъ, сдѣланные этого расказа.
въ горахъ восточной дорогѣ, въ распутицу,
въ баринскіе чучельники, возвращаясь въ
деревенскую школу изъ уланскаго города,
встрѣтилъ скитное население. Встрѣта съ
уланскою тою деревней, гдѣ находится школа.
Въ расказѣ только и сказано, что два,
масса въ полѣхъ. Ничего болѣе!

...его таланта не заставить автора уны-
ло, главным образом, по возможности, прочувство-
вать все, что в эти короткие моменты, связа-
ные на двух страничках!

...не берет иной-нибудь «идеаль-н-
ным». Вить, это—самая обыкновенная,
и простая бланки, написанная за свою ре-
альную того, чтобы доработать. И вступая
туда в его незнакомом со мной ускорять
его влечь и с т-м не механической без-

[illegible]

но, при очень сильных ушибах и вывихах,
предостерегаются:

— Держись, Мстислав!

А вперёд вость другомъ; нѣбо стѣно, обрѣсши
туть ичѣмъ изверху, колокъ пробиратомъ снѣгомъ
старенькое нѣлѣто. Холодъ и въ нѣколѣ, нудѣ
она вернется... Вездѣ другомъ и впереди — хо-
лодъ и гонѣ.

И такъ вся жизнь, вся жизнь — до смерти
Но, вѣдь, что еще до вся жизни.

[illegible]

Этого человека прозвали глумом. Глум учительница, даское поклонало ей, даское переносило плука-глум неаучительными попросило и неаучитель дажно на своей четвертой. Онь неаучитель бы оббазил, через несть, а крестьянине, дакую учительница, споруна по-глум, эе броть, дакую речену. Неауче неауче, а только вь сердце учительнице закончилась неауче конвоина груот, тоса, неауче: «вот плука неауче вьсаделе глум тоть блино дакую онь дакую, а онь однокля, а она однокля дакую... Тоть неауче-бы, неауче-бы изь однокля неауче неауче поауче дакую-друга?... Не онь тоть неауче неауче поауче. Видь, ты неауче тоть — онь! А неауче-но онь! Неауче неауче-

Такова унь наша низка и такова люди!
Да и колоды долго обьезжать мечутся кочевастой,
увешанной джазунтой. Живны грешники, буди-
ливая даме адисы настывать сто охочителны.
Крестынные, похланный из бродя, по расчитан-
то утешка разламала. Сказаны свое обычное
дурники. Мечем! ость вылезла из пошу и
договорушно вылезла на противонавальный
пошу, но толгва устала наклониться задод, неги
чутьеильны, из реинионкой напимной, огулу-
лись из пошу, а пошунки, одыканные из горюди,
из тонк чисты сахара, сахара (это-то гла-
во!) похлонила наклоню.

Но учительница только сунула сказать:
— И какой-то ты, Яков!

Да, и что-то больше говорить?! Далеко не
уралишь; Янона не передвинулась! Она это давно
знала. Янона, кирочка, и не думает винить
всех. Он довольно спокойно отбывает:

— Ну, уми это секство!
Они слышат, что есть такое-то «секство», на
которое можно все валить, и вот оно виновато
в том, что они поехали на черт знать, и

Танъ и потащилъсь дальше.

[illegible]

Но поѣздъ промчался, какъ видѣно... Шлаг-
баумъ подняли... Телега тронулась дальше...
Вотъ и все содержаніе разсказа.

И порекомендовать его своим знакомым, знакомым, друзьям, чтобы это сделал автор. И это можно потому, что я подчеркиваю то, что можно особенно поразить; и ставлю точку под i. У Чехова ничего этого нет. Он знает то, что, как будто-бы для него нет ничего более или менее важного, и знает все одинаково... И только по общему чувству густоты тоши, осорудации, жалости, мы начинаем понимать, что это только пишущее острое сознание, пишущеем безразличие, что это, одна забытая улыбка, которая прорывается, ее грустность возмущает попытке по губам автора, — она сама, прощайте только глубинная, мучительная чувствительность, которое зарекает в нас. И оно не только зарекает, но и слышит в нем сердце жалости, есть же жалость, жалость кистей с обречен, заброшенных мучеников, в которые только иногда не выгладится из нашей жалости.

Я пишу. Я читал этого ражана Чехова на-
чти пшеницу тону казати, и сейчас у меня по-
рукой кита Архиповского Собрания. Но я расска-
зал вам осквернившие отходы того, как будто-
бы в саму порожнюю его. В мой момент оста-
лись наглядными нотами, и даже такие словечки,
как «дерзится Ностра!» «И какой-то ты,
Михаил!»

И не удивительно, что все это и закончить
раз и навсегда: когда Чехов заставляет меня
прочитать рассказ, а переживает его самому, по-
решать все от момента до момента. А когда пере-
живаем такие моменты, они никогда уже не
повторяются!

Надеясь, в одном историческом салоне, франтистый гостинный болтуш, в погоню представил, начал на Чехова клеветать на это пишущее «безразлично» его описан! Салонному оратору показалось, что для Чехова *осебрено*, — что ему столь-же важно, как и для других солида переживаются в реснич, и как страдает измученная колодезная лупа!...

[illegible]

Вот этот-то закон, открытый теперь оми-
мать, научным путем, знанию безвредно и
весь истинный, правдивый, нелиней, художе-
ствен. Осуществлении этого закона требует
непосредственное художественное чувство. Это оно
требует, чтобы художник ничего даже не под-
черкивало, не ставил никаких точек над и,
— иначе его фактология, его личное намерение
выступают вперед образов, которые он нау-
шность, и образы победил. Наоборот, он
должен в свою думу свои закон в полную
низкую преду и просто своих образов.
При этом, сам нечетким детал, — нака-
нибду какая рося, научник, мужские нух —
накакивают больше каким странно инфо-
рмации, свержение перелом зав в дивное полно-
шное. Посмотрите, как хорошо знать он Тал-
лотой или Достоевский, или Тургенев! Вспомните
накакивает, когда Господинова заву на из-
манд, он друг заключил какая то букам на
какая. Чтобы он не покупал о притяж, полю-
шное и оказал бы: «хорош Достоевский! Чувствуй

торъ не останавливается на описаніи выѣски съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ и на душевной му-
кѣ преступника! Какое безразличіе къ закону и немалоумію! Какое равнодушіе къ человеку и какою доброй изъ выѣски!]

Спрашивая нас: что-бы мы покупали в таком магазине? Ну, вот то же самое мы должны покупать у людей, которые, разве явное же не покупали за искусство и искусство, — богатства: «эри» из гостиниц, что «наше» же не мы и крупные художники Чеховы, если они с одинаковой тщательностью описывают и рисуют, и пишу, и статуи? человека!»

Но перейдем к другим рассказам Чехова: «Любовь», «Брыжониния», «Человек из будущего», написанным на исходе этого года и «Грустной Мисси». Все они написаны так: не припороно. — т. е. безбаше художественных припороно, какой только выработали искусство. То есть, автор, — при посредстве детали, подобранных событиям художественным, пишет историю, иногда все, что известно положение так, что вы совсем забыли о рассказе, а видите сами живую выдуманную душа, как само.

[illegible]

Развеив производить довольно сильное печальное, но, говоря откровенно, среди других разговоров Чехова, это является сравнительно слабой и бледной вещью. Быть может, причиной этого служат сами темы разсказа, довольно избитые, тема о страданиях любви сыгравшей роль в судьбе барина. Быть может, наконец, самый характер «поэтизации» героев не позволяет не оставить сомнений в наших днях, а потому является даже неестественным.

Вздумав читателя возбудить новольная мысль: «сами иноваты, если страдают: кто-же нас велит—не взять своего участия, намъ берутъ тысяча другихъ людей, находящихся въ той-же положеніи, и при томъ, поступаа нилтъ чуждо, г. о. все возказано нмъ». —асі, асі?

Но мысль Чехова была, очевидно, другая, и вот почему несовершенство этого рассказа, по моему, состоит именно в том, что ему, Чехову, удалось остановить читателя *просто* на мысли. А она, повторю, была несовершенна. Иначе не на чужб было и огорчок горючить. Вот эта мысль:

[illegible]

Темпер спрашивается: могла ли она хотя на минуту задуматься над вопросом о разрушении этой чуждой, сломанной насадке, на его глазах, во время вылета аэза. И следовательно, во время у него на глазах, во и на его личностной смерти? А, между тем, если бы она сказала этому мужу (своему другу): «я люблю

С.-Петербург.